

Ольга Чернобривец

*Красное
платье
в горошек*

Издание второе

Ольга Чернобривец

Красное платье в горошек.

Издание второе

«Издательские решения»

Чернобривец О.

Красное платье в горошек. Издание второе / О. Чернобривец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830728-7

О любви, событиях из жизни людей, которые окружают автора. Выдающиеся личности и простые попутчики — герои и рассказчики. Удивительные истории и размышления о судьбах.

ISBN 978-5-44-830728-7

© Чернобривец О.
© Издательские решения

Содержание

Ангел и планер	6
Удовлетворение	8
Мышление миллионера. Булочка	9
Мышление бедного. Что-то новое	10
Мышление бедного. Довольство	11
Дипломатия	12
Страдивари	13
Лиса и паразиты	15
Маша и коньяк	16
Донские казаки	17
Слияние двух кровей	18
Разговор с деревом	22
Забери меня!	23
Интеллектуально	24
Немытые волосы	25
Сто лет назад	26
Фу, какая гадость!	27
На государственном содержании	28
Красное платье в горошек	29
Путь к вершинам	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Красное платье в горошек
Издание второе
Ольга Чернобривец

© Ольга Чернобривец, 2016

ISBN 978-5-4483-0728-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел и планер

– Чтобы поднять спортивный планер в воздух, – говорит мне синьор Серджио, – его прикрепляют крюком к лёгкому самолёту. Самолёт поднимается в воздух и выносит планер на необходимую высоту, затем на короткое время уменьшает скорость, и за эти несколько секунд надо освободить планер от крюка и отпустить в свободный полёт.

Курс движения его уже определяет пилот, управляя так называемым «хвостом» планера. Поняла?

Ну так вот, мой дядя одно время работал директором спортивного аэродрома возле Милана, а его дочь, моя кузина – пилотом.

Однажды она вывела меня на заданную высоту в две тысячи двести метров, но при откреплении каната крюком отхватила «хвост» моего планера.

Я – один-одинёшенек в небе, подо мной – два километра высоты, система управления – приборы – есть, а самого «хвоста» – нет.

Планер неуправляем.

Падаю.

В один миг (я – в здоровой памяти) как бы снялись с плёнки кадры моей жизни: все события, до секундочки.

Падаю.

И вдруг вижу впереди себя трубу завода «Сан Пеллегрино», который минеральную воду выпускает, расстояние до него где-то около шести километров.

Падаю, продвигаясь вперёд по инерции.

До трубы – уже меньше двух километров. А подо мной – уже только шестьсот метров.

И я направил – как, не могу объяснить, технически это невозможно, даже в теории, – планер на трубу.

Из трубы выходил пар – на заводе мыли горячей водой аппаратуру и посуду. Этот подогретый воздух и поднял меня вверх.

Поднимаюсь. Направляю – опять же, не знаю как – в сторону аэродрома. Вижу – подо мной машины скорой помощи несутся.

А я – как будто и вовсе не я, а кто-то другой вместо меня – приземляюсь на скорости сто восемьдесят километров в час. Как не разбился – опять же, объяснить невозможно. Понять не могу, я не инженер всё-таки, а архитектор.

Ничего не сломал при этом, не считая планера, конечно. В лицо удар был – и всё.

Все ко мне бегут.

Дядя, белый, как стена:

– Как ты?

– Отлично! Всё – цело!

Кстати, как вскоре выяснилось, и бесхвостый мой планер не сильно пострадал.

И все на радостях – в бар. Я кусочек тортоне – знаешь, такая твёрдая сладость – схватил, и – в рот.

И... взвыл от боли. *Мука* адская: четыре передних зуба были выбиты и соединялись с дёснами только ниточками нервов.

– Ну и как потом, синьор Серджио: сели снова за штурвал аэроплана?

– Через неделю. Знал, что если не преодолею страх сразу же, потом уж не переступлю через него.

– А долго ещё летали?

– Полгода.

– Всего полгода?

– Да, дядя ушёл на пенсию, а мне оплачивать такую роскошь не по карману было.

Удовлетворение

– Терпеть не могу тех, которые всегда жалуются, – говорит мне Патриция Монако. – Особенно в поездке. Знаешь, есть такие, всегда они чем-то недовольны. Всё им не так. На работе их ещё кое-как терплю, но на отдыхе просто не выношу.

Наши, итальянские учительницы в Индии, например. Ребенок, протягивает руку для подаяния, а она начинает урок:

– Ты, почему ты не в школе? Почему у тебя грязные руки? Иди домой, помой руки, а затем я дам тебе мелочь.

Это в Индии, представь!

Одна из таких была со мною в путешествие в Майами. Как только мы поднялись в воздух, она уже гудела. Она сидела, не повезло же, возле меня! Меня от неё уже тошнило ещё до прибытия.

Как только мы прибыли, разместили нас в бунгало. Снаружи – жалкий домишко, но внутри все удобства: кондиционер, телевизор со спутниковыми каналами, телефон. Даже ванная комната с душем и гидромассажем. Посередине на площадке, между этих бунгало – прекрасный бассейн.

Перед этим бассейном, встречаю эту синьору. И она снова полна протеста в отношении комнаты. Я инстинктивно поворачиваюсь таким образом, что она остается спиной к бассейну и слегка толкаю в грудь. В мгновение ока она плюхнулось в бассейн. Такой фонтан!

А была уже расфуфырена на вечер. Одета в роскошное платье, в туфлях, которые стоили целого состояния. Мама, что было: вопли, стоны, крики, угрозы!

Чтобы не вызывать в полицию, я ей вернули деньги. Должен сказать, цифра большая была. Но какое удовлетворение!

Мышление миллионера. Булочка

– Мы подружились с синьором Джорджио случайно, – Оля мне говорит. – Я и не подозревала, кто он такой. В маленьком городишке, где все друг друга знают, он выделялся: никогда не сидел на лавочках с пенсионерами и не вёл с ними никаких разговоров. Не по-итальянски высокий, с безупречной выправкой, вышагивал по уютным, обсаженным цветами, тротуарам и весь вид его говорил о том, что он совершает моцион.

Обладея неистощимым интересом к людям, я без труда познакомилась с ним и стала разделять его прогулки. Первое, что мне бросилось в глаза: люди вокруг начали расступаться передо мной и кланяться. Странно. В разговоре выяснилось, что мальчиком он выжил в немецком концлагере в 1943 только благодаря тому, что умел играть на пианино.

Значительно позже я поняла, что прогуливаюсь не с кем иным, как с принцем Лаванским, потомком старинного богатейшего рода. Писать о нём надо бы отдельно, но был маленький момент, который мне врезался в память.

По концу прогулки я сказала принцу, что мне надо перед возвращением домой купить хлеба и зашла в булочную. Выбрала обычные, самые что ни на есть простые, наполненные больше воздухом, чем мукой. На что принц мне сказал: «Почему ты берёшь этот хлеб? Возьми тот, из семи злаков».

Я не стала объяснять ему, что мой выбор продиктован ценой. Только дома я поняла, что за те же деньги могла купить кусочек в два раза меньше, но зато – самого лучшего хлеба.

Мышление бедного. Что-то новое

– В тот раз, – Оля мне говорит, – представление было скучным. Какой-то приезжий коллектив показывал на сцене, как они воспроизводят бытовые звуки при помощи различных приспособлений. Это часто необходимо при съёмке фильмов.

Артисты увлеченно демонстрировали как скрипит дверь, гремит гром, капает дождь, едет автобус... Публика, приходящая послушать Моцарта и знающая наизусть Верди, явно скучала и разошлась, ворча и пожимая плечами.

Я подошла к основателю культурной ассоциации, меценату Джулио. Надо сказать, что он же купил и помещение, в котором ассоциация собиралась. Подарок публике, которая интересуется культурой.

Без всякой хитрости на вопрос Джулио, понравилось ли мне представление, я сказала, что это совершенно неинтересно и некрасиво. На что Джулио мне ответил:

– А я сегодня открыл для себя что-то новое.

Мышление бедного. Довольство

– Он не просит милостыню, приставая к прохожим, а зарабатывает, открывая тяжелую дверь при входе в пространство одного из городских лифтов, – Оля мне говорит. – Город у нас – особый, расположенный по вертикали, поэтому фуникулёр и лифт – такой же обычный городской транспорт, как автобус или метро.

Его зовут Майкл, у него очень умные глаза и хорошие, располагающие манеры. Люди частенько останавливаются с ним поговорить. В одной такой паузе я узнала, что он – гражданин Швейцарии.

Мне показалось несправедливым то, что такой умный мужчина просит подаяние, простите, зарабатывает милостыню. Я сказала, что в муниципалитете есть такая услуга: бесплатное пользование компьютером. И там вполне можно научиться пользоваться им. На что Майкл мне ответил:

– Зачем? Мне и так хорошо.

Дипломатия

– Мои дед и бабушка, – Альфонсо мне говорит, – жили близ Неаполя в деревне. Как и все, имели свой огород. И повадились соседские куры клевать их овощи. То помидорчики молодые склюют, то огурчики. Терпел-терпел мой дед, но однажды вечером, когда куры разорили очередную грядку гороха, рассвирепел и сказал, что немедленно пойдёт к соседям.

Понятно, чем бы дело кончилось. Неаполитанцы – народ горячий. Слово за слово: могло и поножовщиной закончиться. Бабушка знала характер своего мужа и сказала:

– Садись. Никуда ты не пойдёшь. Завтра я сама схожу и всё улажу.

Пошла она на следующий день и решила спор: с того дня соседи держали дня кур закрытыми. А как она этого добилась? Догадайся сама, даю тебе на это сутки.

Озадачил меня друг Альфонсо. В течение суток я ломала себе голову, что же такого гениального придумала его бабушка, но ничего я так и не решила. На следующий день честно сдалась и попросила досказать историю.

– Представь себе, – сжалился Альфонсо, – бабушка набрала яиц от своих кур, сложила в корзину и явилась к соседям.

– Я принесла вам яйца, которые снесли сегодня ваши куры на нашем огороде. Вот, в корзине. Мы постоянно их у себя находим. Но если вы не будете держать кур закрытыми, больше возвращать яйца не буду.

Страдивари

2014 г., Рим

– Нет, я не даю её для концертов. Никому, – Мануэле мне говорит. – Конечно, многие просят. Никому! Ни разу.

Мануэле – видный мастер. Просто талантливый художник в Италии, без преувеличения, в каждом доме, хоть один, да живёт. Мало кто пользуется спросом и продаётся, а у него работы оцениваются в цифры с четырьмя нулями. Евро, понятно.

Он – художник в третьем поколении. Их, детей, у родителей четверо было, но только обо нём, утверждает Мануэле, мама говорила:

– Наконец-то настоящий творец родился.

Мануэле всегда подытоживает разговор:

– И она была права.

Это в его характере – всегда на полном, глубоком серьёзе говорить о своём величии. Может так и надо? Не знаю. Знаю только, что попасть в его мастерскую может только избранный.

Отчасти ещё из-за деятельности супруги. Она – самый значимый прокурор в столице, так что даже на оперный концерт Мануэле едет под эскортом карабинеров и смотрит действие рядом с малознакомым человеком в штатском.

С одной стороны, ущемляет свободу творца, но с другой – сильно и положительно влияет на цены продаваемых картин. Так что двадцатилетний уклад своей жизни Мануэле в обозримом будущем менять не собирается и не отказывает себе ни в каком капризе. Таким было и приобретение скрипки Страдивари, которая теперь в банке хранится.

1974 г., южно-украинская деревня.

– В нашей школе, – говорит мне Таня. – Люда немножко выделяется. Красивая, ухоженная девочка из хорошей семьи. Два брата, крепких и толковых. Хозяйственный уклад в этом доме таков, что каждый, от бабушки с дедушкой до самого маленького, знают свои обязанности.

Подворье всегда выметено, в доме – порядок и вкусно пахнет здоровой деревенской едой. Дед у Люды воевал, но он не любит рассказывать о войне не приходит в школу, когда его приглашают выступить.

2014 г., Рим

– Конечно же, для неё там, в банке, особые условия созданы, – Мануэле говорит. – в соответствии со всеми требованиями хранения особо ценных музыкальных исторических инструментов и современных достижений техники.

– А как ты предотвращаешь, чтобы не разохлась от бездействия?

– Конечно же, играют на ней. Есть у меня друг-румын, из тех самоучек, небось, предки которых самого Паганини в своё время переигрывали. Консерватория его не очень сильно испортила. Раз в месяц приходит ко мне в гости, и мы устраиваем музыкальный салон. Как правило, никого не приглашаем. Сами наслаждаемся в абсолютном покое и свободе.

1994 г., южно-украинская деревня.

– Такое горе в семье у Люды, – Таня мне говорит. – Журналисты к нам из города повадились, историей войны интересовались, ветеранов всех обошли. С каждым подолгу разговаривали, обо всех подробностях расспрашивали, чай гоняли. Просили военные фото и награды показать.

Многие ветераны орденов и медалей своих больше не увидели. Обманули, сказав, что в редакцию нужно привезти награды. Кто не хотел отдавать, силой потом всё равно отняли.

А у деда Люды, оказывается трофей был: скрипка Страдивари, он её из разбомбленного Дрездена привёз. Никто на ней не играл: способностей не было. Один раз только показали преподавателю сельской музыкальной школы, давно это было. Он сказал, что скрипка ценная, очень купить хотел, да дед не продал. Знал её цену, нет ли, но помалкивал о ней потом.

Никто не знает подробностей, но пару месяцев назад ушла из дома скрипка в руки псевдо-журналистов.

2014 г., Рим

– Большой музыкант – друг мой румынский, Мануэле мне рассказывает. Не такой масштаб, как у меня в живописи, но талант всё же незаурядный. Любой репертуар на мировом уровне исполняет. Только для меня. Иногда пару друзей приглашу.

– А когда ты купил её и где?

– Лет двадцать назад. На аукционе.

Лиса и паразиты

– Ловлю с друзьями однажды рыбу, – синьор Серджио мне говорит, – и так метров в тридцати от себя вижу вдруг лису, которая к реке направляется с веточкой в зубах.

Глазам не поверил: лиса веточку к воде несёт!

Рыбаков местных спрашиваю:

– Видите? Что это она делает?

– Да-да. От паразитов избавляться будет. Сейчас в воду зайдёт, вся полностью окунётся, только носик и зубки, в которых веточку держит, на поверхности останутся. Паразиты начнут на веточку перебираться – спасаться попытаются. И когда она почувствует, что все они её покинули – отпустит веточку, пускай по течению плывёт себе с паразитами «на борту», а сама на берег выйдет, уже без них. Вот увидишь.

Так лиса в точности всё и сделала.

Недаром в народе легенды о хитростях лисицы ходят. Очень мудрая бестия.

Маша и коньяк

– Маша, очень симпатичная украиночка, раз в неделю ко мне убирать приходила, – синьор Серджио мне рассказывает. – Один раз говорит:

– Синьор, пора шторы постирать.

Берёт лестницу, поднимается. Я заволновался:

– Осторожно, не дай Бог упадёшь.

И за неё страшновато, и страховку в случае чего платить нехстати мне.

– Поддержать тебя?

– Да, пожалуйста.

– Подержать лестницу?

– Нет.

– За ногу?

– Нет.

– А как тебя подстраховать?

– За попку.

Я – в замешательстве. Предмет, прямо скажем, соблазнительный. Как мужчине, мне и отказать трудно было. Потом, она это так естественно говорила!

Спустилась, я бутылочку коньяка открыл. Семейная реликвия, более сорока лет выдержки!

Пьём, а на моём лице знак вопроса, видимо, отпечатался так сильно, что она сама не выдержала:

– Я любовника ищу, синьор Серджио.

И приходила потом ещё несколько раз убирать, пока коньяк не закончился. Нашла ли она любовника, не знаю. Думаю, да – очень естественная она.

Донские казаки

– Мама моя проживала вблизи знаменитой станицы Вёшенской, – Галя мне говорит. – Там ещё те казаки. Жестокие. Покрасоваться, погулять – это они любят. И умеют. Заиграют (в тех краях не говорят «запоют») – степь содрогается.

А нравы дедовские. Любовь страшная и безжалостная у них. Приехал как-то старший брат мой в гости к родителям. Смотрит, как мама возле плиты хлопочет. Решил дров наколоть – дровами ещё тогда топили. Вышел отец во двор, увидел топор в его руках:

– Ты что это делаешь?

– Дров матери наколю.

– Ты мне её не балуй, сама должна управляться.

Подошёл к сыну, забрал топор из рук и подальше забросил.

Да и бабке моей несладко пришлось. Гулял мой дед, ох и гулял! А её ревновал по-чёрному, избивал до полусмерти. Приехала как-то дочка с мужем (родители, то есть мои), а она лежит: места живого на теле нет, избил муж. Забрала дочка к себе её – сколько издеваться можно. Что ты думаешь? Через месяц они помирились. Собрала бабка вещички и уехала. А мама моя тогда поняла, что нельзя между мужем и женой вмешиваться.

Прежде, чем моя мама на свет появилась, моя бабушка шестерых детей похоронила: дифтерия свирепствовала. Поживёт ребеночек два-три года и умирает.

Дед мой, гуляка, неверующий был. А когда забеременела жена в седьмой раз, встал на колени и просил Господа, чтоб хоть этот ребеночек выжил. Вот и осталась моя мама расти у них единственной дочкой. И сейчас жива, слава Богу.

А у прабабки моей, Нюси – своя история. Женился прадед рано. Привёл её в дом. Пришла ко двору. Любили её, как дочь, даже больше. Таков обычай у казаков – любить невесток пуще детей своих. А тем времени пришёл час мужу молодому в армию идти, царю-батюшке служить. Да не год, не два – двадцать шесть лет.

Пошёл он. Оставил жену молодую в своей семье. Год прошёл, и другой. Стали подмечать, что Анютка по вечерам в хлев ходит. Ходила-ходила, да и забеременела.

А по тем временам закон такой был у казаков: если забеременела жена от другого, муж ей голову саблей отрубить должен. Но – только муж, и никто другой.

Девочка у Нюси родилась, пригожая такая. Растёт себе, время идёт. Анютку, надо сказать, в семье любить не перестали.

Пришло и время отпуска солдату. Ждёт семья, ждёт весь хутор. Ждёт и Анюта.

Приехал. В дом вошёл. Каждому по подарку раздал.

К Анюте подходит. А она перед ним – вся вымытая, волосы блестят, чистые, красиво уложены – голову ведь рубить должен. Ребёночка на руках держит.

Он подошёл, вынул пряник:

– Иди ко мне, дочка. Я тебе гостинец привёз.

Взял девочку на руки.

Долго они ещё вместе прожили.

Слияние двух кровей

– Предки моего мужа со стороны матери, – Галя мне говорит, – были генуезцами. Город бурно развивался, соревнуясь в своём великолепии с Венецией. Процветало банковское дело, поднималась индустрия, шла речь о строительстве железных дорог, и конечно же – не сдавало своих позиций судоходство.

О том, что в России земля – за бесценок, прадед Bruzzone узнал около 1850 года от капитана корабля. Сметливый земледелец быстро продал свои небольшие участки в Лигурии и отправился в дорогу.

Местный помещик ему сказал:

– Бери лошадь, и сколько обскачешь за день – твоё.

Прадед взял с собой приказчика и целый день в галоп скакал: генуэзцы, говорят, жадные. Я бы сказала – нерасточительные и хозяйственные.

Вскоре после того, как земля была куплена, отменили крепостное право. Надо было думать о расширении семьи – нужны были рабочие руки. Дедушка Валентина служил в итальянской армии – они были монархистами. После службы семейный совет решил:

– Ты – итальянец, поезжай на родину, привези себе жену.

Привёз он себе молоденькую по нашим понятиям супругу. С шестнадцати лет она начала рожать ему детей. Каждый год. И при родах седьмого ребёнка в возрасте всего двадцати трёх лет умерла. Потом нашлась женщина, немецкого происхождения, которая и воспитала всех. Конечно, были няньки, была прислуга – бабушка строил всем, в том числе и домработницам, дома.

В 1887 году на деньги семьи в Мариуполе был построен порт.

Когда власть взяли большевики, им сказали:

– Либо вы принимаете советское гражданство, либо убирайтесь в свою Италию.

Принять советское гражданство – означало дать добровольное согласие на ссылку в Сибирь. Вся многочисленная семья уехала. Кроме мамы Валентина Малышева-Bruzzone, которой объявили:

– Вы – итальянка, можете уезжать, а муж у Вас – русский, ему выезд не разрешён. Детям – тоже.

Отца в 1937 году арестовали по обвинению в шпионаже, как агента итальянской разведки. Валентину было семь лет. И до сих пор то утро не стёрлось из его памяти.

Только в 1992 году Валентин нашёл в архивах документ о его расстреле. И – о реабилитации.

А тогда, в тридцать седьмом... Мама была молодая, неопытная, она ходила и добивалась:

– Где мой муж? Вы сказали, что он арестован на три дня, а его уже месяц нет. Я – итальянская гражданка, поеду в Одессу к нашему консулу и добьюсь справедливости.

...Её позвали в больницу сделать прививку. На следующий день она умерла.

Валика определили в сиротский приют. На семилетнем ребёнке была поставлена печать «сын врага народа». Забрала его оттуда тётя Екатерина. Она поплатилась тоже – за этот поступок сослала в Сибирь её мужа.

Война...

В годы войны вместе с тётей и её сыном Валентин был угнан в Германию.

Концлагерь. Кормили один раз в день. Голод.

Концлагерь. Сына тети Екатерины, двоюродного брата Карло, расстреляли на глазах у матери за попытку к бегству.

Концлагерь. В крематориях сжигали и детей.

Их освободили американцы. Вскоре приехали и представители советской армии. Они забирали в основном военнопленных. Откуда было знать тогда, что поедут они, как предатели Родины, прямо на каторгу?

Валик Малышев-Bruzzone не стоял уже на ногах. Из концлагеря его забрал швейцарский Красный Крест.

Пролежал полтора года в больнице в Милане. Оттуда поехал в Лигурию искать своих родственников. Нашёл. Все они, двадцать пять человек, жили в полуподвальном помещении, на одном этаже. Все вместе. С нераспакованными из Украины чемоданами. Думали, что их высылка – недоразумение, которое рано или поздно разрешится.

Не в радость был Валентин родственникам – сами впроголодь жили.

У каждого из дядек – по четверо детей. Какая тётка нальёт тарелку супа, а какая – и нет: своих кормить нечем. Спал на пляже, под лодками, приходилось питаться и отбросами из ресторана.

Пошёл работать. Хлеб тогда и в Италии по карточкам давали.

Заработает две копейки, придёт под магазин, а продавщица говорит:

– Veni sabato.

Он тогда ещё итальянский не очень понимал. И принимал «sabato» за «subito». Ждёт и час, и два, пока на календаре не покажут, когда может придти, чтобы получить, возможно, две булочки.

Помочь всем...

Посоветовали в армию идти.

– Вот там я, – говорит Валентин, – вышел из голода. Наелся. Язык итальянский выучил. После армии поехал к тётке в Австралию, да не понравилось – вернулся.

Женился. Работал. Укреплялся в жизни. Вырастил двоих сыновей, дал образование. Помог стать на ноги.

В начале девяностых, когда без боёв пал наш Черноморский флот, он, русская душа, стал приводить домой команды арестованных в портах кораблей. Мылись, обстирывались, кормились. Но, бывало, и уносили из дома кое-что. Жена ворчала, а он оправдывал: не со зла, по бедности. Развёлся в пятьдесят четыре года: кто ж такого мужа выдержит, который в свой дом всех страждущих ведёт?

Через месяц после падения Берлинской стены поехал в бывший Советский Союз. Поработал в архивах, в музеях. Горькими были его открытия... Документы о реабилитации его родных – разве заменят утраченное?

Там, на своей родине, он и познакомился со своей Галочкой.

– Я тогда в молитвах, – говорит Галя, – просила Господа послать мне косоного, хромого, богатого – но лишь бы я пожила за ним.

Ну конечно, шутит. Вообще-то она тогда серьёзной бизнес-леди была – коммерческий директор одной из крупнейших на Украине фирм. Одних замов – девять человек. Фирма решила международный аэропорт в Луганске построить. Нашли партнёров из Италии. Те сделали прекрасный проект, причём за бесценок – тогда, в начале перестройки, много на энтузиазме делалось. Всё складывалось как нельзя лучше: руководство работами и технологии – итальянские, причём половину фирма бартером платит, и на этом дополнительно выигрывает, рабочая сила – наша.

Но как раз перед стартом разоряется фирма партнёров. А лётчикам уже были выписаны командировочные, и немалые. Во имя этой суммы ребята решили рискнуть. Кто-то из фирмы и вспомнил, что в Генуе живёт такой человек – Малышев.

После командировки лётчики ни о чём другом уже не говорили, как о Малышеве. Валентин как опытный строитель невольно был привлечён к украинскому бизнесу. Закончилось это тем, что он сказал коммерческому директору:

– Ладно, аэропорт я не построил, зато тебя нашёл.

Он повёз её в отпуск – долгожданный, первый за пять лет работы – в Италию. Взял на две недели, а вернул... через два месяца. И то – чтобы только заявление на расчёт написала.

Открыли Галя с Валентином первый в городе магазин итальянской моды. В центре. Престижное место. А уж устроить там маленький уютный рай – труда Валику большого не стоило: не зря всю жизнь строителем проработал.

Во время подготовительных работ проверяющие как-то приехали: где директор? Рабочие на Валентина показывают. А он – такой же, как они – в спецовке измазанной. Развернулись проверяющие и уехали – неправдоподобно показалось.

Магазин пользовался успехом как у городской знати, так и у мафиози: Валик умеет жить в мире со всеми.

Был такой случай. Передали из Италии panettone. Приходит Галочка домой— нет сдобы. Оказывается, муж в тюрьму отнёс:

– Я услышал, посадили одного парня. Бедный человек.

Через некоторое время – день рождения Валентина. Празднуют в роскошном ресторане. В кругу городской элиты – администрация, КГБ, УСБ. В другом конце зала – мафия гуляет. Вдруг из-за того, дальнего стола, «крутой» поднимается и направляется к Валентину:

– Хочу выпить за этого прекрасного человека. Он мне в тюрьму паску передал.

Элита к Валентину дружно:

– Вы знакомы?

– Да нет. Но паску в тюрьму передавал – это точно.

А был и другие обеды. Благотворительные. Когда Валентин в ресторане всех неимущих города бесплатно кормил. Тысячи человек за день приходили.

И были ещё десятки людей, которым он помогал в беде. И детский приют в городе, для которого он сделал очень много. И десятки статей в украинских газетах, посвящённые бизнесмену и человеку Малышеву.

Малышев давно на пенсии. Мог бы жить себе спокойно с Галочкой на своей красивой вилле, ни о чём не заботясь. Да не такой он человек.

Который год присматривает за русским кладбищем в Генуе. Здесь похоронены первые консулы России в Генуе Иван Смирнов (в 1842 году) и Александр Хвостов (в 1861 г.), атташе Алексей Фаворин (в 1859 г.), многие русские женщины, жившие здесь.

Наведывается к памятнику Героя Советского Союза, погибшего, спасая итальянских партизан, Федора Полетаева.

Ничто не вечно – многих, из числа похороненных в последние десятилетия, Валентин знал лично, с некоторыми – дружил. Здесь же покоится и прах его тети Екатерины. А недавно пришлось хоронить молодого украинского парня. Малышев взял на себя заботу о могиле, помогает матери погибшего.

– Когда святители наш дом в Луганске, отец Богдан произнёс громогласно: «Да будет сей дом полон гостей», – говорит Галина. – Благословение батюшки сбылось. Как там, на Украине, так и здесь, дверь у нас не закрывается. Кого только не принимали! И влиятельных людей, а ещё больше – тех, кто нуждается в помощи. И для всех у Валентина есть и добрый совет, и ласковое слово, и время, и силы помочь. Такая душа. Широкая. Настоящая. Русская.

P.S. Когда я закончила писать статью, пришло письмо, которое я привожу полностью.

«При трагической ситуации жизнь свела меня с добрейшим, яркой души человеком – Валентином Малышевым, который, несмотря на огромные перенесённые лишения, дарит людям не имеющее границ БОГатство сердца.

Так случилось, что здесь, в Генуе убили моего сына. И когда, приехав с Украины практически без денег, без знакомых и друзей, полная отчаяния и большого горя, я встретила Валентина, он, едва назвав своё имя, взял на себя всё по организации похорон. Для меня это было

очень важно, так как я была в полной растерянности и горе. Только благодарила Господа за то, что есть Валентин. Мне и теперь, по прошествии десяти месяцев, кажется невероятным, что он всё это время не оставляет без внимания могилу моего сына, как и другие могилы наших соотечественников.

Не перестаю удивляться, как может один человек, в немолодом уже возрасте, так много делать для других, совершенно забывая о себе. Помогает с устройством жилья и работы молодым семьям, всем нуждающимся в добром слове и участии. И всё это без лишних слов, без намёка на какую-либо благодарность. Скромность, нежелание афишировать добрые свои дела – таков этот человек. Огромный кладёзь добра, разума, готовности помочь всем, кто нуждается. Он помогает очень многим людям, дарит частицу своего огромного сердца.

А сколько добра он делает на Украине, в России! Помогает ставить памятники, поднимать на ноги чужих детей. И всё делает так, как бы делал для своей семьи.

Доброго здоровья и удачи этому необыкновенному человеку – Валентину Малышеву.

С большим уважением и благодарностью Рая».

Разговор с деревом

– Удивительные у нас в Башкирии места, – Рита Вахитова мне говорит. – Такая природа! И чистота... Простор души.

Люди, не отвыкшие от природы. Живущие в ней. Нет, это совсем не то, что в Италии. Здесь натура – как бы огромный театральный фон, самый красивый в мире пейзаж. А там – совсем другое, потаённое.

Однажды мне привелось оказаться в доме у одних людей. Пожилые они уж совсем, дед с бабкой, были. За стол усадили, как у нас водится.

Сидим за чаем, разговоры ведём. Я краем уха прослышала, что они лекарством занимаются. О мальчишке выздоровевшем заговорили. Как его на ноги поднимали, рассказывают. Мне показалось диковинным то, что они применяли.

Я и спрашиваю:

– А где вы об этом узнали?

Дед почесал затылок:

– У дерева спросили. Да, точно – дерево нам сказало.

Я ушам своим не верю:

– А вы с деревьями разговариваете?

Дед говорит:

– Да. Они же, как трава, – всё понимают. Пойди, детка, кстати, на улицу, спроси у травы – хороший ли день сегодня будет.

Я, закусив, как уздечку, сомнения и логический страх, выхожу на крыльцо, спускаюсь на лужайку прямо перед ним, наклоняюсь к траве, трогаю – и... ничего не слышу.

Возвращаюсь в дом. Сажусь за стол, поникшая.

Дед ко мне:

– Ну, что тебе трава сказала?

Лепечу смущенно:

– Ничего... Видите ли, это же у вас – уникальные способности. Это же только вы слышать можете...

Теперь – очередь деда удивляться. Он не выдерживает и громко зовет бабушку через всю горницу:

– Слышишь, Марья, а Рита не понимает, что говорит трава!

Забери меня!

– Валентинке моей было восемь месяцев, – Костас мне говорит. – И так сильно она заболела, что мы с супругой не знали уже, что и делать.

От услуг врачей я отказался. Жена в ступор от безысходности упала. Я один у кровати остался. Что ни делаю, а Валентинка – горит. Под конец и я из сил выбился, прикорнул.

Просыпаюсь, как будто от толчка. К ней, а она – холодная.

Схватил её тельце сильно-сильно прижал к себе. Так сильно, как только мог. Стал просить Господа:

– Забери меня, а её оставь!

Сколько времени прошло так, не знаю. Помню только себя, сжавшего её изо всех сил. Помню её, бездыханную.

Время остановилось, реальность исчезла.

А потом слышу её сердечко: тук-тук!

– Сколько ей лет сейчас?

– Уже большая! Ох и балую же я её!

Интеллектуально

– Нет же, вовсе не относится к Древнему Риму, – говорит тот, кто в красной футболке. – Это случилось на целую эпоху раньше, ещё во времена Троянской войны, когда всё из-за Елены закрутилось. Менелай, Аяксы, Гектор, Парис. Ты знаешь, кто такой Парис? Он-то как раз и вызвал всю эту заваруху.

Он обращается к своему соседу, сидящему на лестничной ступеньке при входе в здание гонуэзского вокзала Бриньоле – другому нищему в грязно-белой майке. Явно чувствует своё интеллектуальное превосходство: видно, в школе хорошо учился. Или очень книжки любил.

Жаль, что в жизни не пригодилось – мог бы многих своей страстью к истории зажечь.

Мне грустно, но всё-таки где-то глубоко проскальзывает наблюдение: а ведь подобный монолог только в Италии, наверное, возможно услышать. И – чем он хуже гимна?

Немытые волосы

– Было это лет тридцать назад, в небольшом селе, – Оля мне говорит, – где все друг друга знают. Жили тогда трудновато, но дружно. Соседка к соседке за спичками бегала, все новости гласно и негласно обсуждались.

В центре внимания, понятно – молодёжь. Самая красивая пара была – Вера и Сергей. Девушка в сельпо работала, а молодой человек в школе преподавал. Все были уверены, что свадьба – не за горами.

В то время существовали пионерские лагеря, вот и послали молодого физрука на целое лето с детьми работать. Там он встретил Надю, удивительное дело – точь-в-точь похожую на Веру, педагога родом из соседней области, сироту по матери. Надя забеременела, и к осени Сергей женился на ней. Надо сказать, что и хозяйкой молодая учительница оказалась отменной, такой же, как и Вера.

Что было на душе у Веры – никому не говорила и ничем своего страдания не выдала: такая же подтянутая, аккуратная и ухоженная, как и раньше.

Всё было у Веры вроде бы хорошо: и работа, и дом, и учёба заочная в институте. Только вот любви не было. Всё село тихонько переживало за неё.

Потом вдруг, после долгих лет, засветилась изнутри. На вопросы отвечала уклончиво, скрывала от других причину. А причиной был молодой агроном, по распределению приехавший.

По счастью или несчастью для Веры – был он родом из села, которое стояло через речку напротив. Мало-помалу, а слухи поползли: шила в мешке не утаишь.

Повод для разговоров серьёзный: Вера на двенадцать лет старше. И вот, на одном берегу реки, где она живёт, – за неё тихонько болеют. На другом – осуждают: старая, мол, дева молодого окрутить хочет. Особенно против – семья агронома.

Люди шушукуются, а любовь берёт своё. Забеременела и Вера.

Сердобольные женщины из сельского Совета, где Вера прописана, звонят и говорят:

– Вера, надо тебе с Андреем расписаться. Приходите с паспортами, мы вам тихонько брак оформим. Только сегодня – как раз наш председатель уехал в командировку, мы всё сделаем, а потом, когда придет – ему объясним.

Веру немножко подташнивало. Платье уже не сидело так ладно, как всегда. Она знала, что стоит только сказать Андрею – он тут же привезёт свой паспорт.

Боже мой, как она ждала этого момента!

Что-то смущало. Она посмотрела в зеркало. Волосы были немытыми. В своём новом состоянии, сосредоточенная на новой жизни, которая уже билась в ней, упустила из виду.

– Спасибо вам, спасибо. Но сегодня я не могу.

Она поговорила с Андреем через несколько дней, но он был расстроен ссорой со своими родителями, попросил отложить роспись...

Сына она назвала Андреем. Поднимала на ноги сама. Вырос он трудолюбивым, старательным и добрым.

Сто лет назад

– Однажды послали меня инспектировать школу, – Пьер-Джорджио мне говорит, – расположенную в межгорье. Приехал я на место, без труда разыскал школу. Напротив неё фабрика находилась.

Возникает у меня ни с того ни с сего острое впечатление, что я уже бывал здесь и знаю это место. И мысль появляется, что здание школы – богатый дворец, а фабрики здесь никакой и нет.

Сделал я проверку, вернулся домой, как обычно. Ложусь спать, и снится дворец этот. Сад вокруг него, оркестр вальс играет. Я приглашен на бал. На мне – мундир серо-коричневый: такие офицеры колониальных войск носили. Из подсознания в сознание мысль идёт: сто лет назад.

И снова – сон. Я танцую, шучу, угощаюсь. И сразу же – война.

Фу, какая гадость!

– Это же невыносимо! – Таня мне говорит. – В этом климате нужен особый уход за ногами!

Мысленно соглашаюсь с ней. В средиземноморском климате запахи из-под мышек, pardon за столь интимные подробности, перемещаются в... ноги. Поначалу это приводит в ужас, потом – к поиску средства. Когда наша женщина в аптеку заходит, рука аптекаря автоматически тянется к кремам для ног. Не действуют они, вот в чём вопрос! Ну да ладно, обычному человеку приспособиться можно, а у Тани-то работа с телом связана. Прямой контакт с телом другого человека.

– Вот приходит на массаж, на кушетке растянется... У-у-у! Жаловаться нельзя: не нравится работа – уходи. Сделать замечание – то же самое: клиент пожалуется. А гостиница – пять звёзд. Понятно, что слово клиента – закон.

Лежит на кушетке... Мне уже плохо. А работать надо!

Я руки помою. Хорошо так вымываю, демонстративно. И начинаю ноги массировать. А потом – лицо! Старательно так. Особенно – область носа.

На государственном содержании

Парни попали в подследственный изолятор по причине вроде благородной – надо было выручить молодую землячку Татьяну. Она снимала квартиру и, как это часто бывает в Италии, брала к себе квартирантов, чтобы покрыть часть квартплаты.

А квартирантом у неё оказался хитровастенький сицилиец, который полгода не платил и не собирался, как поняла Татьяна. И уходить не уходил.

Позвала Татьяна своих пацанов – вон их столько голодных по лавкам парковым без работы сидит. Пришли парни, пригрозили сицилийцу, назначили срок уплаты.

Заходят в квартиру в назначенный срок, а их уже полиция поджидает. Обвинили – в угрозе насильственной расправы.

Начали женщины постарше в тюрьму бегать, собирать теплые вещи, да кто что мог. Вызвали матерей. Сердобольная Людмила за переводчицу была.

Адвокаты нормальные попались, все силы прилагали, зная: закон всегда на стороне граждан Италии. Тем не менее, вырисовывалась картина освобождения парней из под стражи.

– Что Вы хотите сказать? – спрашивает адвокат одну из матерей.

– Подержите его в тюрьме, пожалуйста, подольше: там он – на государственном обеспечении.

Красное платье в горошек

– Когда я студенткой была, – Людмила Александровна мне говорит, – знаешь, как у нас тогда было. За учёбой готовить времени особого не было. Заработала я язву желудка в двадцать два года.

В те времена долго в больнице держали, помнишь, наверное. Больше месяца я там была.

Мама меня проведать по вечерам приходила, после работы. Сидим мы с ней в коридоре, разговариваем. Проходит мимо нас мужчина, один из больных нашего отделения: большой, красивый. С проседью, а всё равно – красавец. Мама моя пристально так вслед посмотрела и говорит:

– А не Пётр ли Андреевич Карташов это? Он у нас директором шахты был.

И рассказывает, что когда-то давно они в одном тресте работали. В молодости он таким здоровенным был: за обедом двадцать пять котлет съедал и бутылку коньяка выпивал. А вареников ему так и пятьдесят штук подавали. Богатырь был, все женщины и девушки заглядывались.

Вроде – он. Но более двадцати лет прошло...

– А ты спроси у него, дочка, как его зовут, – говорит мама.

За ужином все больные отделения за одним большим столом собирались. Я на одном торце сижу, по бокам все места заняты, а напротив – свободно. Заходит в столовую этот мужчина. Другие его зовут:

– Иди к нам, Пётр Андреевич!

Он садится напротив, кушать начинает. Я голову поднимаю и говорю:

– Так значит, Вас Пётр Андреевич зовут?

Он поднимает на меня глаза, бледнеет, отодвигается от тарелки, лицо руками прикрывает.

Потом говорит:

– Отойди от меня, лукавая!

Поднялся и ушёл.

После ужина я, расстроенная и испуганная, спросила у соседок, что это значит – лукавая? Они постарше меня были. Объяснили мне, что, мол, ничего в этом слове плохого нет. Успокоили.

В последующие дни я его не видела.

Потом встречаемся мы вечером, на закате. Все больные на лавочках сидят в садике вокруг корпуса. Иду по дорожке, он мне навстречу. Поравнялись – на руки подхватил и понёс. Несёт, я думаю: куда? Он меня за угол принёс. Перед скамеечкой, где его знакомые мужчины сидели, на ноги поставил. И говорит мужчинам этим:

– Вот, я старый человек, а любовь свою только сейчас встретил.

И отпустил меня.

Потом стали у меня каждое утро на прикроватной тумбочке цветы появляться. Что ни день – новый букет. Кто его ставит? Спрашиваю соседок по палате – не знают, говорят.

Помнишь, режим тогда больничный был? Тихий час – после обеда. В это время нельзя было из палаты выходить. А мне спать в это время ну совсем не хотелось. Дай, думаю, бигуди поставлю. Открываю тумбочку, а их-то и нет. Соседки говорят, может, подружка твоя из другой палаты взяла?

Я тихонечко-тихонечко прокрадываюсь по коридору, мимо ординаторской, боясь на доктора наткнуться. За угол надо свернуть... И тут я втыкаюсь головой... в грудь Петра Андреевича.

Я – перепугана, да и он взволнован. Говорит со мной, а у самого ком в горле стоит:

– Как тебя зовут? Людмила? Сколько тебе лет? Двадцать два года? Да, я помню... Это в Барнауле было. Точно – двадцать два года назад. Слушай, давай вечером встретимся. Мне тебе что-то очень важное сказать надо.

Встретились мы вечером. Он мне и рассказывает:

– Это в Барнауле было. Учился я в политехе. Нас в комнате – несколько студентов. Вечер подходит, парни на свидания собираются: кто галстук просит, кто – пиджак. Шум-гам в комнате стоит. Я все запросы удовлетворил, дожидаться не могу, когда все разойдутся и в общежитии стихнет. Наконец ушли все.

Прилёг я на кровать. Я ни с кем не встречался, хотя все думали, что у меня девчат полно. На самом деле – мне неинтересно было. Лежу себе, думаю. Хорошо так, тихо. Глаза закрыл...

Вдруг дверь снова скрипит. Я разозлился: опять кто-то из мальчишек! Ан – нет. Девушка в двери входит. Точно такая, как ты. Рост, глаза, волосы так же распущены. В красном платье в горошек. Скажи, было у тебя платье красное в горошек?

– Да, было. Я его очень любила, но потом испортила, и мне было очень жаль.

– Садится эта девушка на краешек постели и говорит твоим голосом... Помнишь, когда ты со мной в столовой заговорила – я даже испугался?

– Да, Вы тогда убежали.

– Голос у неё точно такой же, твой был. И говорит она мне: «А что же ты с парнями на улицу не идёшь?» Я говорю: «Нет у меня девушки». Она мне: «Правильно. Любовь твоя только сегодня родилась». Было это 31 марта двадцать два года назад.

– Когда он эту дату назвал, – говорит мне Людмила Андреевна, – у меня мурашки по коже пробежали. Это был день моего рождения.

Мы ещё несколько раз встречались. Он рассказал мне, что вот уже двадцать лет, как женат. Взял женщину с ребёнком, пожалел её. Что у них есть ещё один сын, что жена у него хорошая, очень любит его.

Попросил он меня, чтоб я позволила потрогать своё тело. Я разрешила. Всё: и грудь, и всё-всё. Всю меня он погладил. Но большего себе не позволил.

И говорит мне:

– А я и не знал ещё, что это значит – женщину любить. Что у неё запах есть. Что её волосы пахнут. Знаешь, чем пахнут твои волосы? Степью, как и мои. А тело твоё чем пахнет? Кислым яблочком!

Мы ещё несколько раз встречались. Перед моей выпиской он мне говорит:

– Дни мои сочтены. Ты, наверное, знаешь. Мне предлагали операцию сделать в Трускавце, но я тогда отказался. А сейчас, когда я встретил тебя, дал согласие. Иду на операцию и надеюсь, что буду ещё жить.

Мы переписывались, когда он уехал в Трускавец. Помнишь ту обстановку? Разница в возрасте, к тому же – его положение. Он придумал код, и только я могла расшифровать его строки.

Последнее письмо заканчивалось так: «Своею любовью тебя заклинаю – будь счастлива!»

Путь к вершинам

С шести лет Люся занималась в балетной школе при оперном театре. Была одной из самых лучших учениц. В те времена по всему Советскому Союзу проводились отборы талантливых детей для обучения искусству. Конечно, каждая девочка мечтала танцевать на сцене Большого театра.

Каково же было удивление Люси, когда в один из дней друзья её спросили:

– А ты почему не была на отборочном конкурсе в школу Большого?

Люся ничего не знала – ей не сообщили. Представьте себе, девочку в тринадцать лет так обидеть! Другая бы поплакала, да и смирилась с судьбой. Но не Люся. Она взяла с собой подругу, ушастенькую, но талантливую Розу и пошла вместе с ней в министерство культуры, заявив секретарше, что хочет говорить с министром. Ей ответили, что, мол, министр занят, но может принять его заместитель.

Люся согласилась и рассказала замминистра, что произошло. Он не стал глубоко вникать и направил девчонок в отдел кадров с просьбой разобраться.

Заведующая отделом кадров их внимательно выслушала, позвонила куда и кому следует, а девочкам сказала, чтобы собирались в Москву. В столице из двух десятков претендентов из Душанбе отобрали только шестерых, в том числе Люсю и её подругу.

Дальше были шесть лет учёбы балетному искусству. Люция не скрывает: девочки были полуголодными, а работали много. Занятия были жесткими, изнурительными. Она обучалась у Зинаиды Евтиховой, в потом попала в класс Софьи Николаевны Головкиной, великой балерины и прекрасного педагога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.